

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

*М.С. МАКСИМЕНКОВА,
А.А. СОРОКИНА*

Россия глазами трудовых мигрантов: ценностные барьеры на пути адаптации*

В основу статьи положены интервью, взятые у трудовых мигрантов, приехавших в Россию из постсоветских государств. Авторы исследуют политические представления респондентов о России и родной стране, о лидерах и будущем обоих государств и приходят к выводу, что Россия как принимающее сообщество на сегодняшний день не обладает ни достаточной привлекательностью для трудовых мигрантов, ни потенциалом для их интеграции и адаптации.

Ключевые слова: трудовая миграция, адаптация и интеграция, национальные отношения, политические представления, ценностные барьеры адаптации.

The paper is devoted to the analysis of interviews with labor migrants from the post-Soviet countries to Russia. The authors address the respondents' political views on Russia and their home countries, on political leaders in these countries, and on their plans for future. They draw the conclusion that nowadays Russia as the host society does not have the potential to attract migrants and to provide their integration and adaptation.

Keywords: labor migration, adaptation and integration, political views, value barriers to adaptation.

Процесс глобализации остро ставит перед мировым сообществом вопрос о продуманной политике в области интеграции и адаптации мигрантов. Согласно концепции демографической политики Российской Федерации, одна из основных задач, стоящих перед нашей страной сегодня, – привлечение мигрантов в соответствии с потребностями демографического и социально-экономического развития, с учетом необходимости их социальной адаптации и интеграции [Концепция...]. Неизбежное увеличение миграционных потоков требует незамедлительной разработки продуманной образовательной и культурной политики, реформирования законодательной базы, модернизации медицинского сектора и пр.

* Работа выполнена в рамках программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ 2013 г.

Максименкова Марина Сергеевна – младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований Национального исследовательского университета – Высшей школы экономики, преподаватель кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.

Сорокина Анна Андреевна – младший научный сотрудник Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ, преподаватель кафедры политического поведения факультета прикладной политологии НИУ–ВШЭ.

В настоящий момент процесс адаптации мигрантов в нашей стране затрудняется рядом проблем. В первую очередь это негативное отношение принимающего сообщества к приезжающим из других стран (см., например, [Каранов, 2013; Васькович, 2008; Леонова, 2004]). Так, согласно исследованию, проведенному Левада-Центром в октябре 2013 г., около 73% россиян полагают, что нелегальных иммигрантов из стран ближнего зарубежья необходимо “выдворять из страны” и не считают нужным им помогать получить работу и ассимилироваться в России [Россияне... 2013].

Проблема неприятия приезжих принимающим сообществом усугубляется непродуманной политикой в области СМИ, которые в большинстве своем формируют у россиян негативный образ мигранта (см., например, [Варганова, 2012; Ачкасов, 2011; Веснина, 2009; Скребцова, 2007; Титов, 2003]), в основном фигурирующий в криминальных передачах телевидения, тем самым порождая у зрителей устойчивые негативные ассоциации. Непрофессионализм журналистов, сознательное распространение “языка вражды” – серьезное препятствие на пути к конструктивному взаимодействию принимающего сообщества с мигрантами. Существенные проблемы связаны и с нормативно-правовым регулированием пребывания мигрантов в России (см., например, [Налабордина, 2013; Добыш, 2011; Дмитриев, Пядухов, 2009]).

Несмотря на то, что к проблеме адаптации мигрантов приковано пристальное внимание научного сообщества, практически отсутствуют исследования, где бы она рассматривалась с точки зрения готовности или неготовности самих мигрантов интегрироваться в принимающее сообщество. Однако, на наш взгляд, успешность социальной политики в области адаптации мигрантов во многом зависит от ценностных ориентаций и установок самих приезжих. Отсутствие подобных исследований связано в основном с труднодоступностью респондентов: тут и незнание языка, и страх контакта с интервьюером, и нежелание работодателя соглашаться на проведение опроса, и пр.

В 2011 г. Центром этнополитических и региональных исследований НИУ–ВШЭ проведено крупномасштабное исследование, в ходе которого было опрошено около 8500 мигрантов в восьми регионах России. По результатам исследования был составлен социально-демографический портрет мигранта, определены основные виды занятости, проведен анализ отношения приезжих к принимающему населению, а также их миграционные стратегии и планы относительно России (см. подробнее [Мукомель, 2012]). В дальнейшем в работе мы будем ссылаться на некоторые количественные данные, полученные в ходе этого проекта.

Вместе с тем для детального анализа основных ценностных установок мигрантов, их жизненных стратегий и отношения к принимающему сообществу любые количественные данные полезно дополнить качественной информацией, полученной в результате проведения глубинных интервью. Так, в западной научной литературе исследования, посвященные адаптации и интеграции мигрантов, принято проводить с использованием методологии Grounded Theory, где начальной точкой исследования является проведение небольшого количества (около 15–20) глубинных интервью с приезжающими из других стран (см., например, [Sakolnakorn... 2013; De Fina, 2003]).

В данной статье представлены результаты исследования, проведенного сотрудниками Лаборатории политических исследований НИУ–ВШЭ¹. В июле–августе 2013 г. в Москве и Московской области было проведено 50 глубинных интервью с мигрантами из Таджикистана, Узбекистана, Киргизии и Азербайджана. Выбор этих стран обусловлен тем, что именно из них в Россию на заработки приезжают наибольшее число граждан. Несмотря на то что уровень владения русским языком у респондентов был разным, средняя продолжительность каждого интервью составила около часа. Для

¹ С 2008 г. эта лаборатория проводит исследование, посвященное анализу взглядов различных групп российского общества по ключевым политическим вопросам. Преимущественно респондентами становятся труднодоступные категории граждан, которые не попадают в среднестатистическую выборку при проведении опросов социологическими службами: бездомные, военнослужащие, заключенные, депутаты Государственной думы, студенты ведущих вузов страны и т.д. Опрос мигрантов – продолжение данного проекта (см., например, [Касамара, Максимова, 2013; Касамара, Сорокина, 2013; Kasamara, Sorokina, 2012]).

обработки транскриптов интервью применялось специализированное программное обеспечение для анализа качественных данных – QDA Miner.

Респонденты опрашивались преимущественно на рабочем месте: на рынках, в торговых комплексах, на вокзалах, в маршрутках. В основном опрашивались респонденты мужского пола (38 мужчин и 12 женщин). Преобладание в выборке мужчин объясняется несколькими факторами. Во-первых, их в принципе больше среди граждан постсоветских государств, приезжающих в Россию на работу. Во-вторых, общение с трудовыми мигрантами женского пола было затруднено из-за наличия большего контроля над ними и их деятельностью. Попытки поговорить с женщинами во время работы пресекались их работодателями и иными лицами гораздо чаще, чем попытки разговора с мужчинами. В свободное же от работы время они гораздо реже появляются в публичных местах в одиночестве, что также затрудняло проведение исследования.

В первую очередь нас интересовало, какой мигранты представляют себе Россию и ее будущее, какими видят граждан России и в каких отношениях с ними находятся. Также мы спрашивали респондентов о том, с какими проблемами им приходится сталкиваться, связывают ли они свое будущее и будущее своей семьи с Россией.

Представления о России

Главная ассоциация с Россией у мигрантов, конечно, – работа. При этом все размышления в конечном счете сводятся к выводу о том, что если есть работа, значит, страна, о которой идет речь, “нормальная”, и на все остальные аспекты можно не обращать внимания. Например: *“Здесь чем лучше? Здесь работы много. Денег зарабатывать можно здесь. Больше ничего особенного”* (мужчина, 20 лет, Киргизия).

«Я бы описал “нормальная”. Самый красивый город. А еще нормальный есть работа. У меня никаких претензий. Все нормально работаем, еще гуляем, отдыхаем» (мужчина, 27 лет, Таджикистан). *“Не знаю... Хорошая, щедрая, можно жить здесь, можно деньги найти. Я всегда всем хорошо говорю, потому что я здесь сколько год работала, у меня дочка институт закончила, она английский язык... я помогла деньгами. Второй дочка учит тоже – она в мединституте”* (женщина, 48 лет, Таджикистан).

Анализ интервью также показал, что именно слово “нормальная” при описании России использовалось наиболее часто: *“нормальная, приличная, терпимая”* (мужчина, 23 года, Узбекистан). Однако это слово, как выяснилось в процессе интервью, не несло, как правило, позитивной нагрузки. Когда мы просили респондентов объяснить, какой смысл они вкладывают в понятие “нормальная”, то не получали ответа. В ходе интервью многие респонденты признавались, что в их культуре не принято *“говорить плохо о тех, к кому они приходят в гости”*, поэтому позитивный образ России в представлениях мигрантов, который фиксируется количественными опросами (см. [Мукомель, 2012]), скорее всего, объясняется особенностями национальной культуры респондентов. В лучшем случае определения “нормальная” и “хорошая” имеют следующее значение: *“Нормальная, не знаю. Мне все понравилось. Все есть, все чисто”* (женщина, 27 лет, Киргизия).

Многие указывали на то, что, поскольку они нигде, кроме Москвы, в России не были, про Россию сказать ничего не могут: *“Я в России не была, я была только в Москве. Нормальная. Все хорошее, люди хорошие. Работа нормальная, зарплата тоже хорошая”* (женщина, 32 года, Киргизия).

Общее представление о стране подтверждается и рассказом о первых впечатлениях от Москвы. Она не вызывает особых восторгов и представляется обычной – особенно тем, кто приехали из крупных и средних городов. Остальные из вежливости ограничиваются характеристикой “красивая”. Очевидно, что особой заинтересованности нет ни в стране, ни в столице, ни в ее достопримечательностях. А знакомство ограничивается походом по торговым центрам: *«Ну, первые впечатления, честно говоря, то же самое, что у нас в столице. Если только не считать здесь центра. Вначале я на*

Шаболовку приехал. Ну, впечатления были, но не так чтобы... Россия, честно говоря, я не знаю какая. Я только в Москве [был]. Я когда приехал, я в первую очередь посетил достопримечательности: матрешки эти – великаны в “Афимолле”²» (мужчина, 25 лет, Киргизия). Или упоминается Кремль как наиболее известная достопримечательность: “Нормальная, красивый город, уважаем. Кремль бы хотел посмотреть” (мужчина, 23 года, Узбекистан).

Некоторые респонденты признавались, что эта тема настолько им неинтересна, что они не задумываются над ней или же у них просто нет времени для того, чтобы составить о стране своего пребывания какое-либо полноценное мнение: “Я бы не описала... У нас время когда будет описывать?... Родным объясняю, как здесь хорошо, как заработать можно” (женщина, 45 лет, Киргизия).

Представления о россиянах

Еще одна важная тема, которая часто актуализировалась респондентами, когда они отвечали на вопрос, какой им представляется Россия, – это тема “разных” людей, а точнее, часто встречающихся в России “плохих” людей. Согласно результатам количественного исследования, около 72% мигрантов считают, что большинство россиян хорошо к ним относятся [Мукомель, 2012].

Однако данные нашего исследования демонстрируют обратное. Рассуждая о том, какой им представляется Россия, респонденты часто говорили о людях: разные есть. Даже утверждая, что нет конфликтов или везде есть и хорошие, и плохие люди, в дальнейшем разговоре многие проговаривались: “Главное – плохие люди. Здесь, в Москве, конечно, много такие люди. Разные есть. У русских тоже, у нас тоже есть... Здесь разные люди есть...” (мужчина, 32 года, Киргизия). “Нормальная, просто разные люди здесь есть... Здесь люди разные бывают. Некоторые любят, некоторые не любят...” (мужчина, 28 лет, Киргизия). «Если ездишь в общественном транспорте, русский народ очень нехорошими глазами смотрит. Я очень много раз слышал “понаехали тут”, нехорошие слова про нас я очень много слышал, просто, если бы не было мигрантов, все понимают, что мы за полцены работаем, за эти деньги русский народ не будет работать тем же грузчиком, тем же дворником... Если взять в общей черте, на нас смотрят очень плохими глазами, всегда говорят “понаехали, Россия – моя страна, моя родина, ты вообще чужой”, ну, только нехорошими словами» (мужчина, 28 лет, Узбекистан).

Женщины, которые затрагивали эту проблему, склонны были также добавлять, что испытывают страх, выходя на улицы города: “Русские – хорошие человек, но мало [мало хороших]. Разница: черный – белый. Я уже устала. Страшно иногда ходить ночью” (женщина, 26 лет, Киргизия). “Ночью страшно, лучше не ходить и не попадаться” (женщина, 27 лет, Киргизия).

По мнению некоторых мигрантов, Россия – деградирующая в моральном плане страна. Это – одна из причин, по которой приезд в Россию на заработки воспринимается как рискованный, и объясняет, почему отцы не хотят отпускать сюда сыновей, а уже приехавшие граждане других государств не хотели бы, чтобы сюда приехали их собственные дети: “Я могу сказать, что русский народ очень добрый и творческий, но их подводит водка – молодых... Ну, вот это: водка, курят, курят... Но я к ним большое уважение имею... Сюда едут смолоду... Родителей нет – он может покурить, попить, с девушкой... Здесь никто ему не мешает” (мужчина, 33 года, Таджикистан).

Тем не менее как работодатели москвичи и русские вообще вызывают у мигрантов больше доверия, чем другие мигранты. У русских в этой роли не такая плохая репутация, как у работодателей или посредников с Кавказа или даже из Средней Азии: “Мой родственник пять лет работал в одной фирме, где начальники были в основном выходцами из одной кавказской ныне независимой республики. Все сначала было

² Имеется в виду инсталляция в одном из московских торговых центров.

терпимо, но, когда он захотел уйти в другую фирму, его босс позвонил тому директору, чтоб на работу его не принимали” (мужчина, 34 года, Узбекистан).

У некоторых респондентов прослеживалась ностальгия по эмоциональной атмосфере в СССР и дружбе народов. Однако такая ностальгия была свойственна лишь людям старшего возраста, социализация которых пришлась на советский период: *“Была большая страна... Но спасибо все равно, нас принимают... Раньше мы были Союзом и жили мирно-дружно, и все нам хватило... Кто был богатым, кто был нищим – незаметно. А сейчас слышишь про себя: чурки, чурки, понаехали, туда-сюда... Эти слова меня, конечно, обижают. У меня дед – ветеран войны. Мои близкие кровью за эту землю заплатили. А сейчас меня почему оскорбляют? Обидно, конечно...”* (мужчина, 45 лет, Азербайджан). *«Я думал, найти хорошую работу для человека с высшим образованием не составит много труда. Но мне быстро охладили пыл: “Иностранцев не берем!” Неожиданно. Я понял, что слишком долго живу советской жизнью – надо уже прощаться с понятиями о дружбе народов, братстве, прочем»* (мужчина, 48 лет, Узбекистан).

Представления о российском политическом лидере

Образцовым политическим лидером для большинства опрошенных нами мигрантов является В. Путин. Именно он, по мнению респондентов, мог бы быть идеальным политическим лидером в их собственной стране. Главной заслугой Путина они считают большое количество рабочих мест, на которые могут рассчитывать мигранты. То есть в основе рассуждений о том, кого можно считать образцовым президентом, лежит, как правило, простая система оценки: “есть работа – нет работы”. Например: *“Здесь хороший президент, потому что у них здесь работа, они зарплату больше получают”* (женщина, 26 лет, Киргизия). Или: *“Нравится. Мы здесь, например, зарплату получаем 23, 25, даже 27. Путин здесь сейчас многое для киргизов [делает]”* (женщина, 27 лет, Киргизия).

Привыкнув довольствоваться дома и в России малым, лишь бы у них была работа, мигранты порой говорили совершенно парадоксальные вещи. Например, был сформулирован ответ, в котором респондент рассказывал, почему он благодарен Путину как президенту принимающей страны: *“Путин нормальный, нравится. Здесь у нас есть работа, а еще с таджикским паспортом в метро взятки просят не 3 тысячи, как с армян. Нас за 100–200 рублей отпускают”* (мужчина, 27 лет, Таджикистан).

Однако помимо критерия наличия или отсутствия работы респонденты обращались и к другим аспектам деятельности российского президента, которые делают его, на их взгляд, идеальным политическим лидером. Так, по их мнению, он не просто опытный политик, но сделал и продолжает делать для страны по-настоящему много: *“Раньше было тяжело, но сейчас благодаря Путину, Медведеву намного лучше стало. И порядка навели. Раньше было беспределно вообще по всей России. Сейчас стало нормально: хоть закон действует”* (мужчина, 44 года, Азербайджан). Или: *“Мне кажется, он идеальный президент. Не только потому, что он дает нам зарабатывать здесь. В основном он и ради страны все делает, например. Старается. Мне так кажется. Я-то не знаю, что там еще творится. Я реально в России кандидатов знаю, но достойных там вообще нет, вообще. Реально никого не видел”* (мужчина, 25 лет, Киргизия). *“Путин для России – лучший вариант: дает возможность брать кредиты, покупать жилье”* (мужчина, 27 лет, Таджикистан). В заслугу нынешнему президенту России часто ставилось и то, что он поддерживает “нормальные отношения” между Россией и родной страной респондента.

Однако при ответе на вопрос о президенте некоторые из респондентов, на наш взгляд, продолжали следовать той же логике, которая заставляла их, описывая Россию, вначале говорить, что она “хорошая”, “нормальная” и “красивая”. Именно поэтому был получен следующий ответ: *“Путин, он как бы шустрый, людей обманывает... Жириновский, он людей не умеет обманывать. Из-за Путина в России проблем никаких, но лично я считаю, что Жириновский, он бы очистил от гастарбайтеров”* (мужчина, 28 лет, Киргизия).

Основные проблемы мигрантов

Одна из основных проблем, с которой сталкиваются в России трудовые мигранты и которая во многом обуславливает их негативное отношение к принимающему сообществу, – мошенничество работодателей и вымогательство со стороны представителей правоохранительных органов. Например: *«Я работал грузчиком на радиорынке на метро “Рижском”. Там работал я грузчиком четыре месяца. Там мне зарплату не дали, четыре месяца я работал, но зарплату я не получал. Обманули меня. Потом оттуда уехал через знакомых в город Зеленоград, в Подмоскowie. Там поработал на даче – дачу строили, крышу. Там у меня все было хорошо»* (мужчина, 28 лет, Узбекистан). Или: *“Я удивился, что уехал из дома за тысячи километров, а милиционеры здесь такие же предприимчивые: могут делать деньги из воздуха. Я теперь всегда избегаю милиционеров, стараюсь уйти подальше, когда их вижу”* (мужчина, 34 года, Узбекистан).

Однако оформление всех необходимых документов, на взгляд приезжих, позволяет избежать негативных последствий взаимодействия с правоохранительными органами и органами миграционной службы: *“Я один раз попал в милицию, а после этого я, как приеду в Россию, сразу стараюсь сделать себе регистрацию, именно легальную. Чтобы, если бы милиция остановит, а если они меня увидят, обязательно остановят, чтобы я мог смело показать. Если они меня заберут, то я сам буду виноват, если у меня все документы на месте, то они никогда не смогут меня забрать”* (мужчина, 28 лет, Узбекистан). При этом прохождение всех бюрократических процедур отнюдь не представляется респондентам, как можно было бы предположить, серьезной проблемой. Практически все они приехали в Россию к друзьям или родственникам, которые помогали им в первое время, в том числе с оформлением всех необходимых документов: *“Самому тоже можно, но если есть кто знающий, куда идти, кому подать, как делать, – полегче будет”* (мужчина, 24 года, Узбекистан).

“Посредник” в лице друга или родственника вообще играет важнейшую роль в процессе адаптации впервые приезжающих в Россию мигрантов. Зачастую такой человек оказывается единственным, кто обеспечивает адаптацию и связь с внешним миром: *“В первую очередь надо нормальную регистрацию. Нужна чья-то помощь, чтобы кто-то здесь уже был: если знакомый, друзья нету, очень тяжело здесь, останешься на улице, дома нет”* (мужчина, 27 лет, Таджикистан).

Родственники, друзья и знакомые выступают не просто советчиками – они являются гарантией того, что приезжего не обманут: *“Не секрет, что мигранты работают там, где их берут. Стараюсь идти туда, где уже кто-то из родственников или знакомых работает. Так меньше риска быть обманутыми”* (мужчина, 34 года, Узбекистан). Или: *“Приехал к знакомому. Проблем ни с чем не было. Нужно еще первого начальника найти, с ним знакомым стать, а потом ему деньги отдавать и не думать об этом. И все. И по-русски хорошо знать. Вот и все. Остальное – ничего: деньги найдутся, работа найдется”* (мужчина, 23 года, Узбекистан).

Другие факторы помимо живущего в России друга или родственника, согласно мнению респондентов, значительно менее важны для адаптации в принимающем сообществе. Однако среди всего того, что упоминалось ими в этой связи, можно также выделить ориентацию в культуре и правовом поле России (*“Приезжать сюда, законы соблюдать, тишину... Все как надо: культура, закон... Мы так объясняем тем, кто приезжает”*) и знание русского языка (*“Он в первую очередь русский язык должен хорошо знать”*). Многие респонденты также отмечали, что, если бы у них была возможность учить русский язык, они бы ею воспользовались.

Вообще же, вопреки сложившемуся мнению, опрошенные нами мигранты были не склонны говорить о других проблемах, кроме мошенничества и вымогательства со стороны работодателей и органов правопорядка: *“Здесь бывает: документы сделал – выйти не проблема. Насчет жилья – это тоже можно решить. И культура почти такая же, как у нас, не считая религии”* (мужчина, 25 лет, Киргизия).

Многие респонденты говорили о том, что они не могут жаловаться на условия жизни и другие проблемы, потому что они “здесь никто” и им “дают возможность заработать”. Такое восприятие России во многом способствует и формированию определенного типа поведения: не высовываться, не возмущаться, не задавать лишних вопросов, смириться с тем, что приходится жить в плохих условиях: *“Ну как вам сказать, я сюда поехал не из хорошей жизни. Значит, я приехал сюда работать, а то, что нравится – не нравится, – это уже второй вариант. Главное – то, что я приехал сюда кормить семью и так далее”* (мужчина, 28 лет, Узбекистан). *“Ну, это все политика... Тебе [дают] возможность зарабатывать, семью содержать – молчи, рот закрой свой. Что я еще могу про эти государства сказать”* (мужчина, 44 года, Азербайджан). *“Я не знаю, мне нравится. Самое главное – чтоб было спокойствие. Меня не волнует, кто чем занимается. Я не слежу за новостями. Меня, главное, не трогайте, и все”* (мужчина, 27 лет, Азербайджан).

И даже несмотря на то, что многие респонденты не обращались в России за медицинской помощью, те, кто обращались, отмечали, что *“в больницу здесь – без проблем”* (мужчина, 28 лет, Киргизия). Или: *“С медициной все нормально. Медицина тут классная, а у нас не так. Я полгода назад руку порезал, мне очень хорошую помощь оказали. Полиция тоже: если есть документы – все нормально с ними. Документы тоже получать не сложно. В школу тоже детей устроить не сложно, просто надо документы подготовить и оттуда как бы... перевод оформить, чтобы они здесь продолжали учиться, – все нормально”* (мужчина, 24 года, Узбекистан).

Некоторые из опрошенных говорили, что, если бы у них была возможность попросить что-нибудь у президента России, они бы попросили паспорт, жилье и возможность устроить детей в детский сад. Причем последняя просьба исходила как от респондентов, чьи дети находятся в России, так и от тех, чьи дети остались на родине. Например: *“Не скажу, что детям здесь нравится. Было бы здорово, если бы я смог устроить их в детский сад, но, к сожалению, не получается. Я очень старался, но не получается, они сидят целыми днями дома. Если бы где-нибудь в близком районе я бы смог их устроить в детский сад, было бы очень здорово. Если даже придется там заплатить очень большую сумму – я готов на это, чтобы мои дети ходили в детский сад, кругозор чтобы вырос, но, к сожалению, это не очень получается у меня”* (мужчина, 28 лет, Узбекистан).

Еще одна тема, актуализировавшаяся многими респондентами, – плохая экология и непривычные климатические условия, в которых им приходится находиться и которые зачастую доставляют физический дискомфорт: *“Да, лучше там, у нас, на свежем воздухе. Конечно, у нас природа лучше, чем здесь. Но просто у нас там работы нет, поэтому сюда приехали, чтобы зарабатывать... А так у нас природа...”* (мужчина, 28 лет, Киргизия). *«В Москве даже парков не осталось. Вот смотрю: “Аэропорт”, “Сокол” и “Динамо” – здесь нигде нет парков, чтобы погулять»* (мужчина, 24 года, Азербайджан). *“Москва неприветливая. Здесь холод, пыль, грязь... Вначале, конечно, тяжело было с погодой. Душно, все время дожди и снег. Мало воздуха и мало солнца. У меня было ощущение, что не хватает воздуха, воздух как будто наполнен чем-то неприятным. Все время хочется спать, будто каток переехал”* (мужчина, 48 лет, Узбекистан).

Представления о собственной стране и политическом лидере

Реконструированный с помощью интервью образ родины в представлениях трудовых мигрантов также не отличается многогранностью. Респонденты склонны были упоминать собственную страну лишь в одном контексте. Они утверждали, что там есть все возможности и условия для хорошей, устраивающей их жизни, в том числе природа, которая в России и Москве, как уже указывалось, им совершенно не нравится: *“Но наша лучше, чем здесь, потому что у нас все солнечно, погода лучше. А здесь работы много”* (женщина, 27 лет, Киргизия). Единственное, чего на родине нет, – работы.

И ответственность за это, как правило, возлагается на президента страны. Именно некомпетентные, неэффективные, коррумпированные руководители, и в особенности президент, по мнению респондентов, несмотря на все богатства родины (вне зависимости от того, о какой стране идет речь), все портят. Например: *“Все в Кыргызстане есть: чистый воздух, природное... Но зарплаты нет, работы нет – ничего нет, во всем президент виноват”* (мужчина, 30 лет, Киргизия). *“У нас президента выгнали. Это, Аскар Акаев, первый президент, здесь находится. Он тоже сколько денег грабил в Киргизии... Если бы они нормально работали бы, мы бы здесь не были”* (мужчина, 28 лет, Киргизия). *“Нет работы – виновата страна, виноват президент, потому что фирма, завод – не работает ничего, все продал... Если бы я был президентом, завод бы нормальный сделал, все люди нормально работают, живут на своей месте, свой город, свой район, нормальную зарплату получают”* (мужчина, 27 лет, Таджикистан).

Пребывание в России многими мигрантами в связи с этим воспринимается как унижительное и нежелательное: то, что они приехали сюда на заработки, позорит их и их страну: *“Потому что, быть может, если бы в нашей стране хорошие условия были бы, быть может, сюда не приехали и не слышали бы такие [обидные] слова. Значит, в этом мы сами виноваты, потому что мы здесь. Допустим, если бы у меня возможность была бы, я бы учился. Если бы я учился, я бы в этот... в Россию вообще не приехал. У меня семья бедная. Я закончил всего лишь пять классов. После пятого класса мне пришлось подрабатывать, зарабатывать, ну и так далее. Я до сих пор жалею, что я не учился, не смог учиться”* (мужчина, 28 лет, Узбекистан). *“Просто там нет работы. Если бы была работа, зачем приезжать в другую страну, пострадать свою. Здесь восемьдесят процентов людей на тебя не так смотрит. Больно ли это надо кому-либо”* (мужчина, 25 лет, Киргизия).

Представления о будущем России и миграционные стратегии приезжих

Контекст, в котором Россия воспринимается иностранцами, приехавшими на работу, и их незаинтересованность во многих аспектах даже собственной жизни здесь обуславливает и специфику представлений о будущем страны, в которой они в настоящий момент находятся. Часть из них ограничивалась по этому поводу фразами “поживем – увидим”, “будущее не могу предсказывать”, “только Богу/Аллаху это известно” и т.д.

В основном же, рассуждая о том, что ожидает Россию через 10–15 лет, респонденты ограничивались замечаниями о том, меньше или больше выйдут из их собственной страны будут приезжать сюда на заработки и как вообще станет складываться ситуация с миграцией в России и их собственной страной. Например: *“Говорят, в 2015 году будет в СНГ визовый режим, чтобы мигрантов мало осталось. 50% будет сокращение мигрантов”* (мужчина, 44 года, Азербайджан). Или: *“Не знаю, наверное, уже обратно все будут приезжать. Уже не то. Когда я в восьмом году приезжал, тогда было классно, а сейчас не так уж. Чем больше народу сюда идет, тем хуже для них. В 2008-м нормально было, а после кризиса уже не то. Уже все дороже... Приезжать будет меньше, потому что все приехали уже, кто мог”* (мужчина, 24 года, Узбекистан). Или: *“Конечно, будет в стране – лучше станет, уже сейчас намного изменения есть. Меньше приезжать станут”* (женщина, 45 лет, Киргизия). Впрочем, даже у граждан одних и тех же стран общего мнения по этому вопросу не сложилось.

Крайне редко при ответе на вопрос о будущем России и собственной страны респонденты обращались к другим темам. Например: *“Русских мало останется, иностранцев много. Русские будут уходить за рубеж, а [приезжать будут] из Средней Азии, Вьетнама... В основном из Азии. Молодежь испортилась – дальше все хуже и хуже будет”* (мужчина, 33 года, Таджикистан). Или: *“В России не знаю, что изменится. Я телевизор не смотрю, политику не слушаю. Президент также останется. Он не изменится, в ближайшие 10 лет не изменится президент”* (мужчина, 23 года, Узбекистан).

В том, что касается представлений трудовых мигрантов о России и россиянах, результаты проводимых ранее количественных исследований отличаются от результатов проведенного нами качественного исследования. В отношении же их планов на будущее можно говорить о схожести полученных результатов. Так, согласно результатам количественного исследования, лишь около 27% мигрантов хотели бы остаться в России навсегда. И около 60% мигрантов, имевших детей младше 18 лет, ответили, что хотели бы, чтобы они продолжили свое образование после школы в стране происхождения [Мукомель, 2012].

Что касается результатов нашего исследования, можно говорить о наличии у респондентов краткосрочных и долгосрочных планов, касающихся их будущего и будущего их семей. В краткосрочной перспективе, как правило, респонденты хотят добиться каких-либо материальных благ. В их планы входит накопить на машину, на создание собственного бизнеса на родине, на образование детей, на строительство дома: *“У меня есть семья, дочка – нам дом купить надо. В Киргизии, конечно. Надо бизнес, чтобы зарабатывать. Ну, год–два хватит для этого”* (мужчина, 28 лет, Киргизия).

Долгосрочные планы так или иначе включают в себя возвращение на родину: либо сразу после реализации краткосрочных планов, либо в случае, когда на родине хотя бы немного улучшится ситуация: *“На деньги, которые в Москве зарабатывают, люди учат в университетах детей. А потом еще и женить их надо. Но я не хочу на всю жизнь оставаться в России. Как только заработаю достаточно денег для строительства или покупки жилья, на обустройство детей и на какое-нибудь свое дело дома, уеду отсюда навсегда и возвращаться не буду”* (мужчина, Узбекистан, 48 лет). Или: *“У меня у брата дети здесь учатся в школе, у них квартира есть. Мы тоже стараемся. Если побольше денег будет, мы тоже так сделаем. Стараемся... Но когда в Киргизии станет лучше, то, конечно, сразу вернемся”* (женщина, 32 года, Киргизия).

В крайнем случае респонденты утверждали, что у них нет планов оставаться в России, но они не уверены в том, что у них это получится и им не придется остаться здесь или вернуться в Россию вновь: *“Никто не может сказать: завтра приеду и не уеду снова. Сколько раз домой приезжал – думал, не поеду больше. Месяца два – все, обратно приезжаю”* (мужчина, 23 года, Узбекистан). Или: *“Всякое может быть, сейчас я не могу сказать, что не связываю... Вначале я не хотел, а потом мысли приходили гражданство получить. Потом уходят обратно. Я в семье старший. Я вначале думал приехать подзаработать, а потом уже на зарплату можно жить. А сейчас...”* (мужчина, 25 лет, Киргизия).

Основная причина, по которой респонденты хотят вернуться на родину, – конечно, семья и друзья, оставшиеся там. Например: *“У меня здесь друзья, одноклассники мало. Все в основном там. И мне как бы неинтересно здесь оставаться, мне скучно реально... Если я здесь чуть больше полугода – мне уже скучно, я хочу домой. Друзья, родные – все у меня там”* (мужчина, 24 года, Узбекистан). Или: *“Например, у меня есть друзья, которые хотят остаться или уже решили остаться, гражданство получили, которым все нравится. Я не говорю, что мне не нравится. Но у меня там семья, мама у меня там. Если бы была семья маленькая – а что, можно переехать в любую страну, если можешь прожить”* (мужчина, 25 лет, Киргизия).

Некоторые из респондентов связывают свое возвращение с надеждой на то, что в родной стране сменится власть, что повлечет за собой улучшение ситуации на рынке труда: *“Кто знает, может, раз – и новое правило, новый завод, например. Тогда сразу вернусь”* (мужчина, Киргизия, 25 лет). Другие хотят вернуться как можно скорее, поскольку опасаются, что их может ожидать в России: моральная деградация, ухудшение экологической ситуации, что они просто потеряют возможность зарабатывать.

Однако в любом случае, несмотря на все экономические проблемы, с которыми столкнулась их страна, респонденты все равно хотят, чтобы их дети и внуки жили на родине. При этом почти никто из них не хотел бы, чтобы их дети приехали в Россию

даже в краткосрочной перспективе. Более того, даже на вопрос, какие советы они бы дали своему другу, решившему приехать в Россию, многие респонденты ответили, что в первую очередь посоветовали бы не приезжать вообще.

* * *

Изначально мы предполагали, что с помощью интервью с мигрантами мы сможем реконструировать разнообразные мифы о принимающем сообществе, однако, как показало исследование, отношения с россиянами, как и сама страна, в которую они приехали работать, волнуют их мало. Внимание мигрантов сфокусировано на возможности/невозможности заработать. Пока есть рабочее место, они не хотят особо ничего менять, их вполне все устраивает: и плохие бытовые условия, и коррупция. Мигранты без особых эмоций рассказывали о проблемах, с которыми они сталкиваются, но каждый раз подчеркивали, что они могут зарабатывать в России деньги и содержать на них всю семью. Это создает определенный образец приемлемого поведения самого мигранта в принимающем сообществе: он должен зарабатывать и не озвучивать своих проблем, чтобы не привлекать к себе ненужного внимания.

Негативное отношение к трудовым мигрантам со стороны принимающего сообщества, правовые проблемы, непродуманная политика в области СМИ усугубляются и ценностными установками со стороны приезжающих, а именно – их нежеланием интегрироваться в чужую социально-культурную среду. Мигранты не хотят связывать свое будущее и будущее своих детей с Россией, не хотят, чтобы дети получали здесь образование, не хотят перевозить сюда свои семьи. Пребывание в России воспринимается как временная мера для решения своих финансовых проблем, даже если мигрант работает в России уже много лет.

В настоящий момент, на наш взгляд, потенциала для интеграции трудовых мигрантов и их адаптации в принимающем сообществе почти нет. Следовательно, необходимо изменить подход к проводимой миграционной политике. Лишь комплексный подход, направленный на улучшение условий жизни мигрантов, повышение уровня заработной платы, контроль над работодателями, создание образовательной инфраструктуры для мигрантов и их детей, позволит решить стоящие перед Россией проблемы, связанные с миграционными потоками.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ачкасов В.А. Интеграция трудовых мигрантов в принимающее сообщество: роль СМИ // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. № 4.

Васькович Д.С. Запрос на ксенофобию (Миграционные установки основных групп интересов и политических сил современной России) // Полития. 2008. № 2.

Варганова О.Ф. Образ трудового мигранта в СМИ (по материалам контент-анализа) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 3.

Веснина Л.Е. Милитарная метафора, представляющая образ мигранта в отечественных СМИ // Лингвокультурология. 2009. № 3.

Дмитриев А.В., Пядухов Г.А. Принимающий социум: практика взаимодействия с трудовыми мигрантами // Социологические исследования. 2009. № 10.

Добыш М.А. Правовая защита законных прав мигрантов средствами прокурорского надзора за исполнением миграционного законодательства // Пробелы в российском законодательстве. 2011. №1.

Каранов Д.П. Мигранты и принимающее сообщество: культурный аспект межэтнических отношений в городской среде // Полития. 2013. № 1.

Касамара В.А., Максименкова М.С. Страна и ее политическая элита в представлениях российских и французских парламентариев: сравнительный анализ // Общественные науки и современность. 2013. № 4.

Касамара В.А., Сорокина А.А. Политические взгляды российских заключенных // Общественные науки и современность. 2013. № 6.

Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. (<http://demoscope.ru/weekly/knigi/koncepciya25.html>).

Леонова А.С. Настроения ксенофобии и электоральные предпочтения в России в 1994–2003 гг. // Вестник общественного мнения: 2004. № 4.

Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты // Россия реформирующаяся. Вып. 11. Ежегодник. М., 2012.

Налабордина Г.В. Знание русского языка как одно из условий успешной адаптации и интеграции трудящихся мигрантов в Российской Федерации // Миграционное право. 2013. № 4.

Россияне о миграции и межнациональной напряженности (<http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>).

Скребцова Т.Г. Образ мигранта в современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2007. № 23.

Титов В.Н. О формировании прессой образа этнического иммигранта (взгляд социолога) // Социологические исследования. 2003. № 11.

De Fina A. Identity in Narrative: a Study of Immigrant Discourse. Amsterdam–Philadelphia, 2003.

Kasamara V. A., Sorokina A. Imperial Ambitions of Russians // Communist and Post-communist Studies. 2012. Vol. 45. №. 3–4.

Sakolnakorn T. P. N., Naipinit A., Tepsing P., Kroeksakul P. Thai Migrant Workers in Agriculture Farms in New Zealand: a Short Case Study // Asian Social Science. 2013. Vol. 9. №. 17.

© М. Максименкова, А. Сорокина, 2014

Сдано в набор 20.06.2014	Подписано к печати 05.08.2014	Дата выхода в свет 20 нечетн.
Формат 70 × 100 ¹ / ₁₆	Цифровая печать Усл. печ.л. 14,3	Усл.кр.-отт. 4,3 тыс. Уч.-изд.л. 18,5
Бум.л. 5,5	Тираж 296 экз.	Зак. 456 Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Президиум РАН

Адрес редакции: Мароновский пер., д. 26, Москва, 119049
Издатель: Российская академия наук. Издательство “Наука” РАН, Профсоюзная ул., 90, Москва, 117997
Оригинал-макет подготовлен АИЦ “Наука” РАН
Отпечатано в ППП «Типография “Наука”», Шубинский пер., д. 6, Москва, 121099